

Такім чынам, разгледзеўшы на канкрэтным прыкладзе справу па захаванні царквой узораў культурна-гістарычнай спадчыны, можам зазначыць: у сучасным свеце сацыяльнае служэнне царквы не абмяжоўваецца выключна яго класічнымі формамі, а пад уплывам фактараў знешняга асяроддзя і грамадскіх тэндэнцый з'яўляюцца новыя формы. Збераганне і ўшанаванне ўзораў старажытнага ікананісу адыгрывае важную ролю ў фармаванні нацыянальнай і рэлігійнай ідэнтычнасці, што спрыяе ўмацаванню традыцыйных каштоўнасцей у грамадстве. Важна, каб у царкоўных прыходах усведамлялася роля спадчыны, а працэс яе захавання разглядаўся менавіта як сацыяльнае служэнне. Так царква зможа захаваць свае здабыткі, якія назапашваліся чалавецтвам цягам стагоддзяў. Дачыненне да царкоўнай культурнай спадчыны ўзбагачае чалавека, пашырае яго магчымасці і пераносіць яго ўзаемадзеянне з царквой і навакольным светам на якасна іншы ўзровень.

Спіс цытаваных крыніц

1. Положение о должности епархиального древлехранителя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3891562.html>. — Дата доступа: 25.10.2016.
2. *Чернявская, Ю.* Народная культура и национальные традиции [Электронный ресурс] / Ю. Чернявская. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/14.php. — Дата доступа: 25.10.2016.
3. Описание церквей и приходов Минской епархии 1878/79 гг. — Минск, 1879.
4. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна // Беларуская савецкая энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1989. — 439 с.
5. *Грыцкевіч, А.* Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна / А. Грыцкевіч // Беларуская савецкая энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1989. — С. 42—47.
6. Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680—1682 гг. : зб. дакументаў / склад. Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск : І. П. Логвінаў, 2009.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь (НГАРБ). — Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41248.
8. *Габрусь, Т. В.* Сакральнае дойлідства Беларусі: 1000-гадовая спадчына / Т. В. Габрусь. — Мінск : Беларус. навука, 2014. — 483 с.
9. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. — Минск : БелСЭ, 1990. — 424 с.
10. *Высоцкая, Н. Ф.* Уводзіны / Н. Ф. Высоцкая // Ікананіс і алтарны жывапіс Беларусі XII—XVIII стагоддзяў. — Мінск : Беларусь, 2012. — 231 с.
11. Историко-статистическое описание Минской епархии. — СПб., 1864.
12. *Максімава, Э.* Тры свяціцелі, палескі вадзянік і залатыя лісты аканта / Э. Максімава, В. Церашчатава // Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна. — Мінск : БелСЭ, 1989. — С. 100—107.

УДК 316.42(476)

О. Г. Ворошень

Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», Минск

ФЕНОМЕН «ТУТЭЙШАСЦЬ» В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В научной литературе исследователи проблем национальной идентичности выделяют ряд объективных факторов, которые оказывают влияние на формирование идентичности той или иной этнической общности.

Одним из таких факторов, оказывающим значительное влияние на формирование особенностей национальной идентичности, являются природно-географические условия проживания этнической общности. К ним относят величину и месторасположение страны, ее рельеф, природу границ, климат, наличие полезных ископаемых, флору и фауну, заселенность, географическое соседство с другими этносами [1, с. 194].

Именно территория выступает в качестве критерия отнесения себя к этнической общности и идентификации с ней и, таким образом, является важным звеном для процессов национальной идентификации.

Как справедливо заметил С. Кокберн, «...земля строит и заполняет наши мысли. Мы испытываем сильные эмоции по поводу ландшафтов, особенно тех, которые мы называем своим домом» [2, с. 51].

Однако важна не сама территория, а представления о ней, особое отношение к «своей земле», исторически обусловленное, типичное для каждого этноса.

В контексте исследований национальной идентичности белорусов ряд авторов подчеркивают особое отношение к территории проживания, родной земле, характерное для белорусов. Такие авторы, как А. Казакевич, А. Насута, А. Смоленчук, Ю. В. Чернявская и другие, отмечают, что типичным для белорусов является наличие глубинной связи с местом, землей.

Земля для белоруса — не просто место обитания. Земля — «фундамент бытия белоруса, его главная опора, его Космос. Мир белоруса — всецело мир его земли» [3]. Не огромная необъятная родина, но «родны кут», край, уголок, «родная старонка».

Исследователь Ю. В. Чернявская отмечает, что ощущение привязанности к родной земле на определенном историческом этапе стало определяющей точкой белорусской самоидентификации [3]. Ведь

не сама по себе территория, а то, что связывает человека с ней, отношение к ней, имеет значение для процессов идентификации. «Несомненно, что национальное самосознание включает ценностное отношение... к тому, что принято называть “родная земля”» [4, с. 11].

Автор А. Насута полагает, что связь человека с землей, территорией проживания, краем, укорененность являются основой и источником белорусской культуры [5, с. 167]. Культура каждого народа впитывает в себя всю уникальность природной среды, которая его окружает. Укорененность также берет начало в связи человека, его рода с природной средой того географического ареала, где он исторически значимое время проживает.

Такие особенности белорусского самосознания позволили исследователям говорить об особом феномене, типичном для белорусов. Речь идет о феномене «тутэйшасці», который в прошлом проявлялся в «глубинной связи, привязанности белорусов к своей земле, краю, месту, территории проживания, идентификации с местностью и земляками, сакральной значимости и значении, придаваемом белорусами родной земле и малой родине» [6, с. 57], а к настоящему времени исторически закрепился в менталитете белорусского народа. Характерные для белорусов глубокие эмоциональные связи с территорией, территориальной общностью, привязанность к родной земле, укорененность обусловили формирование специфики белорусской национальной идентичности.

Истоки феномена «тутэйшасці» лежат в историческом прошлом белорусского народа и его страны. Белорусский регион в прошлом никогда не был в этническом и политическом отношении единым и однородным, постоянно находился на перекрестке разнообразных поликультурных взаимовлияний. Белорусские земли на протяжении многих веков были ареной столкновения Запада и Востока, православия и католицизма, где в разное время себя проявили Литовское государство, Польша, Москва [3].

В этих «битвах» за собственное самоопределение и родилась белорусская «тутэйшасць», можно сказать, универсальная модель самоопределения под меняющуюся политическую обстановку. Определение «тутэйшыя» стало самоназванием тех местных жителей, которым удавалось выжить после разрушительных военных кампаний и сохранить свою идентичность. На вопрос о своей национальной принадлежности белорусский крестьянин часто отвечал «я тутэйшы», тем самым отличая себя и от поляков, и от русских, но не идентифицировал себя с собственным этносом или нацией. «Не имея возможности самоидентификации по отношению к государственному целому, постоянно менявшемуся, он самоидентифицировал себя с единственно непоколебимым, исконным — с родной землей» [3]. Ответом «я тутэйшы» белорус снимал все последующие вопросы относительно нации и вероисповедания.

«Тутэйшасць» — это особенная жизненная позиция коренного белоруса, которому постоянно предлагали определиться с верой, национальностью, языком.

Некоторые исследователи полагают, что «тутэйшасць» выполняла позитивную функцию. В ситуации, когда на территории края сосуществовали очень близкие, родственные культуры, «тутэйшасць» была способом защиты самобытности народа и культуры, помогала сохранять свою национальную «адметнасць і самабытнасць». Так, Ю. Бардах пишет об этом так: «Можна, аднак, заўважыць у “тутэйшасці” і спецыфічную форму свядомасці, а менавіта краёвую свядомасць. На землях, дзе суіснавалі розныя мовы, вызнанні, уплывы розных культур, гэта прымала форму адмаўлення ад таго, каб выказацца за адзін з бакоў, нежадання абвясціць свой выбар, патрэба якога пры традыцыйным побытавым ладзе не адчувалася, але які пагражаў разбурэннем шматвяковых формаў сужыцця і камунікацыі, родзячы новыя, часам ледзьве адчувальныя, але рэальныя канфлікты і пагрозы» [5].

«Тутэйшасць» как глубинная связь с местом, как результат осознания своей принадлежности к определенной территории и соответствующей территориальной общности легла в основу национальной идентичности белорусов.

В современном мире, когда повсеместные процессы глобализации, рост мобильности способствуют стиранию границ, население становится все более полиэтническим, территориальные границы приобретают в мире все более условный характер. Тем не менее для белорусов значение, ценность земли, территории не утрачены. Это подтверждают данные исследований. Так, Л. И. Науменко в своей работе приходит к выводу, что территориальная составляющая белорусской идентичности, проявляющаяся в осознании себя жителем Беларуси, чувстве привязанности к родной земле и месту проживания, является наиболее актуализированной среди жителей нашей страны [7, с. 85].

Белорусы все еще сохранили глубокую связь с землей, которая способствовала становлению уникальности белорусской культуры и самосознания и в настоящее время может помочь укреплению и сохранению белорусской идентичности, консолидации и интеграции белорусского общества.

Список цитируемых источников

1. Кукоба, О. А. Доминанты российского национального менталитета / О. А. Кукоба // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. — 2004. — № 2. — С. 191—208.
2. Кокберн, С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 209 с.
3. Чернявская, Ю. В. Пять парадоксов национального самосознания белорусов [Электронный ресурс] / Ю. В. Чернявская // Индекс. — 2001. — № 15. — Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. — Дата доступа: 21.03.2016.

4. Хабибуллин, К. Н. Испытания национального самосознания / К. Н. Хабибуллин. — СПб. : Петрополис, 1993. — 120 с.
5. Насута, А. Харызма тутэйшасці / А. Насута // Druvis. — 2005. — № 1. — С. 163—173.
6. Котляров, И. В. Родная земля в восприятии населения современной / И. В. Котляров // Проблемы упр. — 2009. — № 4 (33). — С. 57—65.
7. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая специфика / Л. И. Науменко. — Минск : Беларус. навука, 2012. — 205 с.

УДК 730:726 (477.83/86)

А. О. Горанский¹, С. В. Мандрик²

¹Учреждение образования «Минское духовное училище» Белорусской православной церкви, Минск

²Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ БЕЛОРУСОВ: КОРНИ И ТРАДИЦИИ

Как известно, с конца 1980-х гг. в нашей стране происходила активизация религиозной жизни, которая и в настоящее время остается стабильно активной. В связи с этим увеличилась и продолжает расти интенсивность взаимодействий между представителями различных вероисповеданий. Современное качество межконфессиональных отношений, которое характеризуется толерантностью и спокойствием, является исторически сложившимся и этнически обусловленным. Однако его нельзя считать окончательным и неизменным. Межконфессиональные конфликты в современном мире продолжают быть острыми и требуют своего разрешения. Беларусь в этом плане в настоящее время являет собой пример действительно толерантной страны. В этой связи необходимо указать, что Беларусь имеет уникальный исторический опыт, включающий как высокие достижения, так и значительные проблемы.

Чтобы оценить и проанализировать межконфессиональные отношения в настоящий момент и выявить тенденции их развития на будущее, необходимо рассмотреть их динамику на всем протяжении истории их существования, используя сравнительно-исторический и системный методы исследования.

Для этого необходимо сделать некоторые теоретические замечания. В качестве первоначальных русских эквивалентов понятия толерантности мы имеем слова «терпимость» и «терпение». При таком понимании мы выходим лишь на первый уровень понимания этого явления, которое в данном случае трактуется как сдерживание внешних негативных проявлений ксенофобии. Второй уровень толерантности предполагает значение в большей степени соответствующего английскому понятию “*acceptance*”, что можно перевести как принятие разности вероисповеданий в качестве нормы (отсутствие ксенофобии). Этот второй высший уровень понимания конфессиональной толерантности в современном белорусском обществе является преобладающим. Однако история Беларуси представляет нам как примеры обоих уровней конфессиональной толерантности, так и проявления нетерпимости в отношениях между конфессиями. Эти три подхода можно выстроить в своего рода шкалу «нетерпимость—терпимость—принятие».

Для краткой систематизации исторического опыта конфессиональной толерантности в Беларуси воспользуемся (с определенными оговорками) периодизацией, предложенной Александром Мурновым [1] для систематизации межконфессиональных отношений между православной и католической церквами. Он выделяет период с конца XIV в. (знаковая дата — Кривская и Городельская унии 1385 и 1413 гг.) до Брестской унии 1596 г. Следующий период начинается, соответственно, с 1596 г. и завершается разделами Речи Посполитой в конце XVIII в. и вхождением территории Беларуси в состав Российской империи. Мы попытаемся рассмотреть качество межконфессиональных отношений именно на протяжении этих двух периодов, поскольку именно в это время произошло становление белорусской народности, а следовательно, и белорусского менталитета, были заложены традиции конфессиональной толерантности, плодами которых мы пользуемся по сей день.

При этом необходимо также отметить, что бесконфликтное сосуществование является для Беларуси естественным состоянием межконфессиональных отношений при отсутствии радикальных и приносимых извне изменений сложившейся этноконфессиональной структуры. В IX—XIV вв. предки белорусов были охвачены проповедью миссионеров как восточнохристианской, впоследствии православной (крещение Руси при Константинопольском патриархе Фотии, проповедь учеников славянских просветителей Кирилла и Мефодия, официальное крещение Руси при великом Киевском князе Владимире 988 г.), так и западнохристианской, позднее католической (Торвальд Путешественник, Бруно Бонифаций, епископ Рейнберн), традиции. С XVI в. к этим двум ветвям христианства добавился протестантизм в различных течениях, который с тех пор непрерывно существует в Беларуси.

На все это накладывается присутствие с конца XIV в. татар-мусульман (их численность к XVI в. достигла 40 000, а к XVII в. — 100 000 и более, в XIV в. действовало около 30 мечетей) и постепенное проникновение с того же времени иудеев на территорию Беларуси.